

Ульяна Гицарева

ХАЧ

Хач в переводе с армянского, турецкого, татарского, азербайджанского, персидского и других языков Ирана означает крест. В России "хачами" изначально называли только армян, потому что армяне являются первыми, кто в 301 году принял христианство и стал носить нательный крест. Таким образом, хачами можно называть все народы, исповедующие христианство.
(Словарь кавказских языков)

Хач – лицо кавказской национальности. Пример текста: вчера с хачами помахались. Происхождение: от армянского имени Хачик. Синонимы: чурка, грач, копченый, зверек.
(Словарь молодежного сленга)

Действующие лица

КАТЯ, 27 лет, русская

СЕБАСТЬЯН, 27 лет, ее муж, колумбиец

МАНСУР, около 20, таджик

ТАМАЗ, около 30, абхаз

КИМ, 30 лет, американка

ХЕЛФРИД, ее муж, 45 лет, чех, немецкого происхождения

ПЕРВЫЙ.

ВТОРОЙ.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ.

ПРОДАВЕЦ ФОНАРЕЙ

Действие происходит в России и в Австралии в наши дни.

Сцена 1

Улыбка

Хрущевка в среднем российском городе. Крохотная комната, прямо на полу огромный матрас, в углу стул, на котором свалена одежда. Больше ничего не поместилось.

Катя сидит на матрасе, переводит статью. Вокруг разложены маленькие и большие словари. Входит Себастьян..

КАТЯ. Что ты такой злой сегодня, мужик?

СЕБАСТЬЯН. Я сегодня русский мужик.

КАТЯ. Русские мужики тоже иногда улыбаются своим женам.

СЕБАСТЬЯН. Моя мама говорит, у вас не улыбают. Потому что вы – снежные человеки. В Колумбии все улыбаются, потому что солнце в нас бывает даже ночью.

КАТЯ. У вас есть час, когда разрешают стрелять. Все улыбаются от страха. Любая старушка в аптеке может достать из авоськи ствол и выстрелить в неулыбающегося ей фармацевта, потому что ей так захотелось. На всякий случай лучше улыбаться.

СЕБАСТЬЯН. А почему у вас на всякий случай не улыбают друг друга?

КАТЯ. Улыбаться можно только своим. Если ты улыбаешься чужому, значит, ты смеешься над ним.

СЕБАСТЬЯН. А почему без войны ты говоришь «свой» и «чужой»?

КАТЯ. В России всегда война.

СЕБАСТЬЯН. Потому что вас все хотят?

КАТЯ. Потому что хотят нашу землю, а нас не хотят.

СЕБАСТЬЯН. У вас слишком много земли, разной. Холодной и горячей. Вам много.

КАТЯ. Сколько есть, вся наша.

СЕБАСТЬЯН. Но ты же говоришь «свой» и «чужой» о своих, а не про тех, кто снаружи.

КАТЯ. У нас очень много чужих хотели стать своими, поэтому теперь не разобраться кто свой, а кто чужой.

СЕБАСТЬЯН. Катюшкиня, но ведь я не чужой?

КАТЯ. Мне не чужой. А всем остальным... тебе надо стараться, мужик.

СЕБАСТЬЯН. Что такое шурка?

КАТЯ. Это имя.

СЕБАСТЬЯН. Это чтоб обижать имя? Это для женщин имя?

КАТЯ. Нет, это и для женщин, и для мужчин. Это не обидное имя, обычное. У нас в России так главного поэта зовут.

СЕБАСТЬЯН. Шурка?

КАТЯ. Да, Шурка – полностью Александр. Александр Пушкин. Он, кстати, тоже из приезжих. Из черных.

СЕБАСТЬЯН. Очень черных?

Катя (смеется). Очень, из негров.

СЕБАСТЬЯН. Он был раб?

КАТЯ. Нет.

СЕБАСТЬЯН. Нельзя говорить «нигер».

КАТЯ. В России можно. У нас никогда не было рабов.

СЕБАСТЬЯН. А как определить: кто на кого должен работать, когда у всех одинаковая кожа. Белый белому чистит бутс?

КАТЯ. Если твой отец чистит бутс, то и ты чистишь бутс.

СЕБАСТЬЯН. Белые рабы это... Это еще хуже.

КАТЯ. Нет, им платили, им давали землю.

СЕБАСТЬЯН. Почему им плохо?

КАТЯ. Они не хотели чистить бутс.

СЕБАСТЬЯН. Никто не хочет чистить бутс. Но тогда все будут ходить в грязных бутс.

КАТЯ. Ты прав. Поэтому пока ты чужой, придется этим заняться.

Себастьян. Да, в Колумбии я не таскал коробки. Но я люблю тебя. Люблю и таскаю коробки. Ты говоришь «свои» и «чужой», а главный этот ваш скривер...

КАТЯ. Поэт.

СЕБАСТЬЯН. Поэт. Афроамериканец. Он чужой, самый главный. У вас к нему, к чужому, гордость, а он – не ваш. Вот у нас в Колумбии гордость к Шакире.

КАТЯ. Ну ты сравнил...

СЕБАСТЬЯН. Стоп! Стоп! У нас гордость к ней, ее знает весь мир. И Пушкин знает весь мир. Но Пушкин – афроамериканец, а Шакира из Колумбия.

КАТЯ. Ваша Шакира недавно опозорилась, потому что не могла спеть гимн Колумбии, ты сам говорил. Пушкин знал русский язык как никто до него и после него не знал. Не зли меня, Себастьян! Ты знаешь еще мало слов и мне невозможно объяснить тебе почему слова «Пушкин» и «афроамериканец» не могут стоять рядом.

СЕБАСТЬЯН. Потому-то ты, как все русские, просто не любишь американцев. Потому-то всех к ним зависть.

КАТЯ. Потому что у нас есть святое.

СЕБАСТЬЯН. Я не понял. Бог?

КАТЯ. Пушкин.

СЕБАСТЬЯН. Но ты же говорила, любишь Броцки.

КАТЯ. При чем тут мой любимый поэт? У каждого любимый поэт свой. Пушкин – не любимый, он главный.

СЕБАСТЬЯН. Вы любите один, а главный у вас всегда другой. Вы любите белый, вы плачете над их песней, вы говорите, что царь теперь святой, а главный – Ленин! Вы любите Броцки, а главный – Пушкин. Вы не помощь старый, а главный праздник, не когда родился Иисус, а когда ваш старый победил в войне... Я не понимаю, почему я Шурка, если я Себастьян и почему смеются, когда бьют!

Катя (настороженно) Кто бьет?

СЕБАСТЬЯН. Меня поймали сегодня в дырке...

КАТЯ. В арке?

СЕБАСТЬЯН. В арке. Сказали, что я – Шурка.

КАТЯ. Чурка?

СЕБАСТЬЯН. Да, что я – чурка и улыбаюсь. Я тоже улыбнулся им. У нас всегда, когда улыбаются, в ответ тоже улыбаются. А они стали бить. (Приподнимает футболку.)

Катя (видит многочисленные ссадины). Мужик, ну как же так...

СЕБАСТЬЯН. Так. Так. Каждую неделю так и вот так. (Машет руками, изображая удары.)

КАТЯ. Давай я буду тебя встречать с работы, они не подойдут, если мы будем вместе.

СЕБАСТЬЯН. Потому что у тебя коса блонд?

КАТЯ. Ну и поэтому тоже.

СЕБАСТЬЯН. Я – мужик?

КАТЯ. Ты – мужик. Ты самый лучший мужик. Ты мой любимый мужик.

СЕБАСТЬЯН. Мужик должен встречать, чтобы не били.

КАТЯ. Но меня никто не бьет.

СЕБАСТЬЯН. Я не могу больше. Мне надоело, я всегда здесь слабый. Ты даже в автобус говоришь за меня: ос-та-но-вите здес, пожалу-уста... Потому что не хочешь, чтоб слышали, я говорю плохо. Я всегда буду плохо! За меня всегда стыд!

КАТЯ. Ну, мужик, миленький, а куда ты хочешь? К тебе – нельзя. А в любой другой стране мы оба будем слабыми.

СЕБАСТЬЯН. Мы поедem в Австралию.

КАТЯ. А почему не на остров Пасхи? Это ж край света!

СЕБАСТЬЯН. Когда нет дома, надо бежать на край. На нем стоят все бездомные.

Отрывок интервью

ПЕРВЫЙ – второе лицо единственного числа,

ВТОРОЙ – участник экстремистской группы, молодой парень

ПЕРВЫЙ. Как вы их называете?

ВТОРОЙ. Мы никогда не говорим «чурки», «ары», «хачи». Только просто «черные». Как будто мы в гангстерской саге. Мы чистим улицы. И нужно делать это как можно быстрее.

ПЕРВЫЙ. Зачем быстрее?

ВТОРОЙ. Они сжирают нас, как в Штатах сожрали Детройт. Или как в Бельгии не поставили в прошлом году рождественскую елку, потому что большинство в городе мусульмане и это оскорбляет их религиозные чувства. У моей сестры в классе четверо белых, остальные черные. Ей пятнадцать, на уроках учатся читать. Я спрашиваю: а кем у них родители работают? На рынке? Сестра говорит: они не работают.

Вот скажи мне, откуда деньги, чтобы тащить сюда всю семью? Мы оба понимаем, что лучше всего на их родине колосится конопля. Мы с ребятами сначала занимались в клубе ролевых игр по славянской мифологии. Я хотел чувствовать себя русским. А потом мы поняли, что нет смысла в кольчугах из консервных банок бить друг друга по воскресеньям в лесу, когда в городе такое. И мы вышли в город.

ПЕРВЫЙ. Ты думаешь, вы сможете прогнать их из города?

ВТОРОЙ. Я на дебила похож? Или на Гитлера, по-твоему? Гитлером только тупые малолетки прикрываются для красоты, для картинки, а не для дела. Просто они должны бояться. Они на чужой земле!

ПЕРВЫЙ. А если бы ты был вынужден поехать в другую страну и там уже тебя бы клали лицом на землю?

ВТОРОЙ. А я и не еду. Это честно. Вавилонской башни не построить никогда.

ПЕРВЫЙ. Зачем вы сначала им улыбались?

ВТОРОЙ. Мы проверяли, русский ли он. Есть много обрусевших черных. Они живут здесь давно, по-нашему. И мы против них ничего не имеем. Внешне не определить. У меня у самого волосы черные, потому что мама – украинка. Наших с детства учат не улыбаться чужим на улице и в глаза, по возможности, не пялиться. Чужой этого не знает.

ПЕРВЫЙ. Парень, которого вы били, из Колумбии. Он женат на русской.

ВТОРОЙ. И что? Мы смотрели за ним. Он плохо говорит. Много честно ему не заработать, мало – черный не захочет. Рано или поздно он бы сорвался.

Сцена 2 Зимний банан

*Полдень. Мансур и Тамаз обкладывают цветной плиткой крыльцо.
Рядом на асфальте листок в клетку с чертежом рисунка придавлен кирпичом, чтобы
не унесло ветром.*

ТАМАЗ. Э, Мансур! Куда белый плитка кладешь? Не видишь, рисунок есть! Синий клади.

МАНСУР. (вынимает из-под кирпича листок, смотрит) У тебя тут все синий. Зачем так?

ТАМАЗ. Один синий ручка был, синий и нарисовал. Там написано: «как флаг». Цвета как русский флаг. Ты читать умеешь?

Мансур (*обиженно*). Умею! Я дома лучше всех читал!

ТАМАЗ. Так и клади, как флаг.

МАНСУР. Я не помню, как флаг.

ТАМАЗ. Белый плитка, синий плитка, красный плитка.

МАНСУР. Тамаз... некрасиво синий и красный. Надо синий, белый, красный.

ТАМАЗ. Им не надо красиво, надо как флаг. Очень умный, да?

МАНСУР. Нет. Есть давай?

ТАМАЗ. Давай.

Садятся рядом с крыльцом, прямо на землю, под балкон, чтобы укрыться от усиливающегося дождя. У Мансура – бутылка воды и хачапури, у Тамаза – бутерброд.

МАНСУР. (протягивает хачапури). Будешь?

ТАМАЗ. Нет. Их хачапур, как бумага. Лучше хлеб, чем ненастоящий хачапур.

МАНСУР. А настоящий в твоя Пицунда? Да?

ТАМАЗ. Да.

МАНСУР. Так может ты никогда не будешь в твоя Пицунда, так теперь никогда хачапур не есть?

ТАМАЗ. Это вы тут зубом за плитку хватаетесь, а я денег достану, и домой. Нас мало, нам нельзя разбежаться.

МАНСУР. Сильно хорошо в твоя Пицунда?

ТАМАЗ. Только там и хорошо.

МАНСУР. Хачапур вкусный.

ТАМАЗ. Там не надо хачапур. Там... (делает громкий вдох) и сытый.

МАНСУР. Грузин тоже твоя Пицунда дышать хочет. Грузин много, им своего воздуха не хватает. Пока ты (передразнивает вдох Мансура) из-за угла грузин тебе: баммм! (Тычет Тамазу указательным пальцем в висок.)

ТАМАЗ. (бьет его по руке). Заткнись, а?! У меня отца так. Заткнись, пока я ем – я глух и нем.

МАНСУР. А я, когда ем, нормальный... А ты грузину стал бы плитку класть?

ТАМАЗ. Нет. Если б грузин нас не разбил, я бы дома сидел.

Мансур (с улыбкой). В Сухуми сидел в кожаный кресел, на фольтсфаген ездил, ногами не ходил?

ТАМАЗ. Не Сухуми, а Сухум. Сухуми грузин Сталин придумал. Не мог сказать сам, всех переделать решил. Я б женился. Много сыновей и дочерей было бы. Растил мандарины, гранаты. Сок, вино делал. Пил бы, дышал бы. У меня дома невеста есть.

МАНСУР. Фотка есть?

Тамаз достает телефон, показывает.

Хорошая. А мне отец сказал: если русская женщина с тобой пойдет, ее убьют.

ТАМАЗ. Не убьют... хотя не знаю... (Усмехается.) Ты для них слишком грамотный.

МАНСУР. Я дома лучше всех читал! Отец сказал: они там наркоманы, денег много, еда есть, работать не хотят. Но скажут если, что ты наркоманы, не отвечай. Беги быстро. Я дома лучше всех бегал. Меня первого сюда отправили, хоть я и второй сын. Нас восемь, мама восьмого рожала и – баммм! Все есть хотят. Я думаю, зачем таджичка? Все есть хотят и она захотит. Я думал, русская. На танцы хотел идти. Танцевать хотел. Не пустили, сказали «черный». А какой я черный? Душа-то белый. Аллах говорит, только у души цвет есть.

ТАМАЗ. Да не говорил такого Аллах.

МАНСУР. Не говорил, так должен был говорить! Аллах же не знал, что Мансуру из-за цвет танцевать нельзя!

ТАМАЗ. Кто в Аллаха верит, тот таких слов не говорит. Аллах тебе не начальник, чтоб ему жаловаться.

МАНСУР. Это тебе Аллах чужой! Я могу! Ты – нет! Я на тебе крест видел. Это ты в русского переделался? Да? Тамаз?

ТАМАЗ. Мой крест. Подарок. Не твое дело.

Мансур (серьезно). А... Два бога получается. Аллах ночью спит, так тебя Иисус охраняет. Но бояться тоже двух богов нада. Боишься? А я вот не боюсь баммм. Отец сказал: у Аллаха все записано в книге, в какой день и в какой час тебе баммм. Книгу ж не переписать. Я и не боюсь. Я боюсь осень.

ТАМАЗ. Очень?

МАНСУР. Нет, боюсь: осень придет, потом зима. Работа кончится, денег мала. Невеста не достал, домой нада денег слать. Чё делать будем? Плитка кончится. За снег мала денег дают.

ТАМАЗ. Я думал. Знаешь такое банан?

Мансур (кивает). Ел.

ТАМАЗ. Не, из резина. На нем верхом по воде едут. Сделаем его и будем катать всех.

МАНСУР. Я тебе говорю – зи-ма! Зимой тут воды нету. Тут тебе не Пицунда. Да? Тут зимой дышать никак. Тут зимой воздух стоит, как плитка.

ТАМАЗ. Мы по льду сделаем. У меня лодка есть из резина, надуем. Привяжем веревкой к мотоциклу и по льду будем катать всех в лодке.

МАНСУР. Нельзя мотоцикл на лед, лед – бабам!

ТАМАЗ. А мы к нему лыжи приварим по край. Из листа железа. Я на стройке лист видел.

МАНСУР. О! Это лучше, чем плитка! Это весело чтобы. Нас любить все будут. Я себе невеста возьму. Русская.

ТАМАЗ. Только мотоцикла нет.

МАНСУР. И купить никак, денег нада.

ТАМАЗ. Нада его из Абхазия гнать. Там есть. Там никому не нада, лошадь есть, а тут катать будем. Мансур, ты поедешь со мной? Туда на чужие машины подсядем, за бесплатно, а обратно на мотоцикле. Меняться будем. Один в коляска спит, второй в седле.

МАНСУР. Нас на чужие машины не сядят. Мы черные. Ехать нада денег.

ТАМАЗ. Делать нада, не делать – зима придет. Все равно ехать нада будет.

Отрывок интервью

ПЕРВЫЙ – второе лицо единственного числа,

ВТОРОЙ – старший сержант полиции, приятель первого.

ПЕРВЫЙ. Вот ты мне только одно скажи, зачем вы склад на оптовке прикрыли?

ВТОРОЙ. Туда хачей пускают ночевать, которые еще плитку кладут на проспекте Мира.

ПЕРВЫЙ. И что с того? Кому они мешали?

ВТОРОЙ. Мы патрулировали площадь в два часа ночи. Тут смотрим, два хача на резиновой лодке с центральной горы катаются. Дебилы. Я решил остановиться, посмотреть. А то на прошлой неделе палатку с сахарной ватой у площади разнесли. Новый год, балин. Елка – самое опасное место в городе. Смотрю, эти катаются, а рядом другие чурки на раздолбанной «девятке» приехали. Они ж, знаешь, как воронье, где одни, там и другие. Ржут, а потом эти первые хачи прицепили свою лодку к их «девятке» и давай друг друга по льду туда-сюда катать. Не, ну ты прикинь? На тачке вокруг центральной горки! Я подкрепление вызвал, мы оцепили гору. А эти, прифигившие, не останавливаются.

ПЕРВЫЙ. Как не останавливаются? Вас давят?

ВТОРОЙ. Не давят, конечно, но махач устроили. И их все больше и больше. Как в мультике. наших ребят человек десять, а эти тучей черной. Я давай орать: бей их, мало с нас орды! Гони их по кишлакам! Те услышали, и началось. Это наши ментов боятся, а хачам менты – не менты, похер. Короче повязали их и – в обезьянник.

ПЕРВЫЙ. А склад?

ВТОРОЙ. Так чё? Мне капитан говорит: «Ну выпустим мы их, они опять по нашему району гонять будут, надо их выселить. Найди, где живут да и прикрой». Я нашел, эпидемку вызвал, нарушение подобрали, прочистили. Пусть теперь в соседнем районе и катаются, а у нас им жить больше негде.

Сцена 3

Downshifting¹

Терраса в съемном доме в Австралии выходит на большой город, небоскребы, сквозь которые виднеется полоска океана.

Здесь живет Ким со своим мужем. Она сидит в кресле и пытается разобраться с бумагами, ветер теребит края ее записей. Рядом Катя натирает до блеска перила.

КАТЯ. А почему ты не платишь за все по Интернету? Зачем все эти бумажки?

КИМ. Мужу удобнее проверять мои расчеты на бумаге. Слушай, оставь уже эти перила.

КАТЯ. Да нет, я еще потру, будут сверкать, как в кремлевском полку сапоги.

КИМ. Сверкать, чтобы ослепить врага?

КАТЯ. Нет, так положено. Традиция. Чтобы, глядя в сапог, можно было побриться... (смеется) топором.

КИМ. Топором?

КАТЯ. Неважно, это я шучу.

КИМ. Сядь, я устала на тебя смотреть. На работе слежу, как ты лестницы натираешь, еще здесь... Выпьем.

Катя садится за стол. Ким пьет, Катя ест.

КАТЯ. Я очень благодарна, что ты меня домой еще подработать взяла. Сейчас так трудно, мужа на работе обманули, не заплатили. Мы в этом месяце совсем без денег.

КИМ. Так пусть подаст в суд.

КАТЯ. Сказали, можешь подавать, все равно тебе никто не поверит. Он – колумбиец.

КИМ. О, мой Бог! Еще и он колумбиец, мало того, что ты – русская! Да, здесь ему скорее подбросят наркоту и посадят, чем он выиграет дело. Русская и колумбиец тут...м...

КАТЯ. Третий сорт?

КИМ. Третий сорт?

КАТЯ. Ну да, в России так говорят. Первый сорт – это отель пять звезд, второй – не рыба, ни мясо...

КИМ. Бургер?

КАТЯ. Да, так себе, средне, как отель в три звезды. А третий сорт – это как забегаловка... Чужое, плохое.

КИМ. Знаешь, Катя, чужой – это везде третий сорт. Мой муж здесь третий сорт, потому что он – чех немецкого происхождения, европеец. Он недостаточно свободный для Америки и Австралии. Они его считают третьим сортом. У всех европейцев комплекс, они слишком мало места занимают на шарике.

КАТЯ. Тесно.

КИМ. Нет, не тесно. Просто комплекс. Как маленькая грудь. Вроде она и есть, и на жизнь хватает, а не круто. Они скажут: у нас культура, а Америка на это ответит: а у нас деньги и километры незастроенной земли. Европейцы для них – третий сорт. А русские... они бедные. Их уже европейцы считают третьим сортом за то, что у них есть километры, а денег нет. И ты трешь здесь перила.

¹В буквальном переводе с английского это слово означает переключение автомобиля на более низкую передачу, а также замедление или ослабление какого-либо процесса. Термин жизненной философии отказа от стремления к пропагандируемым общепринятым благам. Сегодня чаще используется как обозначение сознательного понижения личного статуса. (Авт.)

КАТЯ. Русские у себя перила не трут, у нас хачи есть.

КИМ. Что есть хачи?

КАТЯ. Это те, кого мы считаем третьим сортом. Таджики, узбеки.

КИМ. Я не знаю кто это. Они – мусульмане?

КАТЯ. В основном, да. Так что же мы все друг другу третий сорт и только Америка?

КИМ. Штаты для всего мусульманского мира третий сорт. Мы – жирный кусок ненавистного им бекона. Их Аллах велит взрывать нас.

КАТЯ. Ким...

КИМ. Что?

КАТЯ. Ты прости, но есть в этом какая-то справедливость. В том, что твои Штаты – не крыша мира, что их Аллах замкнул нас в круг, а не в пирамиду с верхушкой в Вашингтоне.

КИМ. Ты очень русская.

КАТЯ. Все русские – очень русские.

КИМ. То есть их Аллах делает зло и зло справедливо? Американцы просто пришли на работу, они не брали в долг денег и не были им ничего должны, этим смертникам! Их подняли на воздух! Они не должны денег! За что их подняли на воздух?

КАТЯ. Но не все же измеряется деньгами.

КИМ. А что? Надо было делиться? Вы русские хотите, чтобы не было богатых и бедных, чтобы все были средние. А я не хочу быть средней, Катя! Я хочу быть богатой! Почему вы не отдали Гитлеру землю, когда он хотел, чтобы вы поделились?

КАТЯ. Да ни одна страна не хочет делиться, ни землей, ни деньгами. Деньги заработаны, земли отвоеваны.

КИМ. Так почему тогда их волнуют наши деньги?

КАТЯ. Тогда почему вас так волнуют их земли?

КИМ. Ты плохо вымыла перила!

Катя встает и продолжает натирать перила.

Ты так хорошо говоришь по-английски.

КАТЯ. Я знаю пять языков.

КИМ. А я только свой, американский.

КАТЯ. Английский.

КИМ. Нет, английский я не всегда понимаю. Я никогда не хотела учить язык. Зачем? Все везде говорят на моем языке. А сейчас Хелфрид меня заставляет. Хочет, чтобы я с ребенком говорила по-немецки.

КАТЯ. Он же чех.

КИМ. Я же говорю, комплекс. Германия больше и величественнее Чехии, вот он и хочет немного приблизиться, кичится своими немецкими корнями. А ты знаешь немецкий? Может быть, выучишь меня?

КАТЯ. Нет, но я знаю чешский, английский, испанский, итальянский и французский. Выбери любой, еще одна подработка нам с Себастьяном не повредит.

КИМ. А почему ты не выучила немецкий?

КАТЯ. Мы сейчас снова поругаемся, Ким.

КИМ. Говори.

КАТЯ. Я ненавижу немецкий. Не немцев. А немецкую речь, видимо, это гены. Все сжимается. Я пробовала учить. Пришла к репетитору, немцу. Он улыбается. Спрашивает: а какие слова Вы знаете на немецком? Я и выпалила: «Achtung», «hände hoch!», «schneller» и

«Hitler kaputt!». Он помолчал, а потом сказал: извините, найдите себе русского репетитора по немецкому. А я, и правда, других слов не знаю... Давай я вымою посуду?

КИМ. Ты что? Тебе нельзя у нас мыть посуду.

КАТЯ. Почему?

КИМ. Посудомоечная машина – это не экономично, тратится много электричества и воды.

КАТЯ. Я руками помою.

КИМ. А руками, ты включишь кран и начнешь мыть, в проточной. Так еще больше воды уйдет. У нас няней как-то украинка была, Хелфрид, когда увидел, как она моет посуду, даже мне запретил. Сказал – только сам. А чашки он вообще только раз в неделю моет, чтобы лишний раз воду не тратить.

КАТЯ. Бред какой.

КИМ. Это тебе бред, а у него график. По этому графику мы каждые полгода должны тратить на пять процентов меньше, чем до этого.

КАТЯ. Ведь так можно до воды и хлеба дойти.

КИМ. Катя, иди домой. Хелфрид сейчас придет.

Отрывок из инструкции для работника клининговой службы в Брисбене, Австралия

«Работнику предоставляется несколько видов многоцветных тряпок. Красные тряпки предназначены для уборки пола душевых, черные – туалета, синие – для лестниц, коридоров. Зелеными тряпками нужно мыть пол на кухне, а желтыми – стены на кухне. Оранжевые служат для уборки рабочих поверхностей на кухне. Пол комнат, залов, прочих жилых и присутственных помещений убирается розовыми тряпками.

Белыми одноразовыми тряпками очищаются зеркала и стекла несильного загрязнения, а голубыми – сильного. Поверхность унитаза протирается салфетками только из синей бумаги, раковины – только из красной. Дверные ручки протираются салфетками из оранжевой бумаги.

Унитаз среднего загрязнения чистится жидкостью «Bathtoom Crew», сильного загрязнения – кремом «R 7». Генеральная чистка душа проводится кремом «R 7» и жидкостью «Bathtoom Crew», в пропорции один к трем черной жесткой губкой, если пол не белый, а если белый – губкой «Magic sponge». В этом случае крем и жидкость смешиваются в пропорции один к одному.

Стекла и зеркала чистятся спреем «Glance», в случае сильного загрязнения гелем «Help». Столы, тумбочки и прочие поверхности жилых и присутственных помещений опрыскиваются спреем «Orange» и вытираются коричневой тряпкой, предназначенной только для спрея «Orange». Для мытья лестниц нужно использовать «Scale remover», для мытья полов в туалете – «Bathroom Crew», для мытья старинного паркета в комнате «Fire Place». В домах работников офиса – «Glance», разведенный водой в пропорции один к четырем.

Система штрафов. На работника налагается штраф в размере десяти процентов от оплаты труда, если он не выбросил в конце дня одноразовую тряпку и использует ее повторно, или выбросил многоцветную. В случае если работник использует тряпку не по назначению, например, моет пол в комнате тряпкой для уборки коридора, штраф пятнадцать процентов.

Если поверхность чистится средством, не предназначенным для этого покрытия, и поверхности нанесен вред, штраф тридцать процентов. Если поверхности нанесен вред,

штраф может увеличиваться до восьмидесяти процентов, в зависимости от стоимости покрытия. В отдельном случае – увольнение.

Также предусмотрены штрафы, во-первых, за нарушения порядка очистки поверхности. Например, пол в комнате убирается до уборки пола душевой, либо пол душевой убирается раньше очистки пола в туалете. Во-вторых, за разговоры с сотрудниками гостиницы / офиса, не входящими в клининговую службу, или с клиентами. В-третьих, за произнесение вслух любых слов не на английском языке, как адресно, так и нет.

Контроль за работником ведется средствами видеонаблюдения».

Сцена 4 Третий сорт

Та же терраса. Ким одна.

На столе убрано, перила блестят. Ветер усиливается, океан неспокоен. Штора, отделяющая террасу от комнаты, высоко поднимается над ее головой.

Входит Хелфрид.

ХЕЛФРИД. Здесь была русская.

КИМ. Да.

ХЕЛФРИД. Я не спрашиваю, я говорю: здесь была русская.

Ким (смеется) Здесь чем-то пахнет?

ХЕЛФРИД. Я видел, как вы шли с ней в сторону нашего дома.

КИМ. Почему ты не подошел?

ХЕЛФРИД. Вы не улыбались. Я подумал, что что-то случилось.

КИМ. Тем более, почему ты не подошел?

ХЕЛФРИД. Ты тоже не улыбалась, ты шла по улице и не улыбалась, совсем как русская.

КИМ. Она говорила мне о своих проблемах, я не могла улыбаться.

ХЕЛФРИД. Это ненормально, когда один человек говорит другому о своих проблемах.

КИМ. А что же с ними делать?

ХЕЛФРИД. Решать, разумеется.

КИМ. Где же ты был после того, как увидел нас?

ХЕЛФРИД. Ты забыла мое расписание? Сегодня последний четверг месяца. Я встречался с друзьями.

КИМ. И как они?

ХЕЛФРИД. Всё успевают.

КИМ. У тебя всегда готов ответ.

ХЕЛФРИД. Бог не допускает пустоты. Если есть вопрос, значит, есть ответ.

КИМ. Мой милый железный Арни.

ХЕЛФРИД. Я не люблю это. Перестань. Я пошел мыть посуду, включи погромче новости.

КИМ. Немецкие?

ХЕЛФРИД. Разумеется, тебе нужно тренироваться.

КИМ. Я не хочу.

ХЕЛФРИД. Я спросил о твоём желании? Нет, я говорю о необходимости. Мы в чужой стране – это необходимость, нам нужно держаться корней – это так же необходимость.

КИМ. А желание?

ХЕЛФРИД. Твое желание – это делать все необходимое. Включи новости. Мы уже потратили много времени на этот пустой разговор. (Уходит.)

Ким (остаётся на месте, кричит). Сегодня к ночи обещали цунами!

Голос Хелфрида. Что?

КИМ. На нас движется тропический циклон «Освальд»!

Голос Хелфрида. Что? Ким, я не слышу тебя.

КИМ. Циклон называется «Осва-а-льд»!

Голос Хелфрида. Здесь шумит вода, если хочешь что-то сказать, подойди!

КИМ. Я хо-чу-у умере-еть!

Голос Хелфрида. Здесь шумит вода, если хочешь что-то сказать, подойди!

КИМ. Гитлер капу-ут!

Голос Хелфрида. Если хочешь что-то сказать, подойди!

Ким (подходит к перилам, кричит). А-а-а!!!

Входит Хелфрид, тщательно вытирая мокрые руки полотенцем.

ХЕЛФРИД. Что ты кричишь?

КИМ. Я говорю, что ночью будет цунами, и мы все умрем! Умрем, потому что это самый маленький материк в мире! Потому что его просто накроет одной волной, как ладонью, и нас больше не будет. Нас не успеют спасти. А все знаешь почему?

Хелфрид (*растерянно*). Почему?

КИМ. Потому что мы одни. Потому что рядом нет больше стран. Мы одни.

ХЕЛФРИД. Что ты несешь? Мы не в пустыне, это цивилизованная страна, есть служба безопасности и прочее. Все предусмотрено.

КИМ. В пустыне есть края, здесь нет краев. Здесь только вода, а вода – это смерть.

ХЕЛФРИД. Ким, ты выпила? С русской, да? Я так и знал. (Уходит, возвращается с толстой тетрадью в кожаном переплете.) Вот послушай.

КИМ. Что это у тебя?

ХЕЛФРИД. Это мой дневник. Ты разве не знаешь, что у меня есть дневник?

КИМ. Я знаю, ты записываешь в конце дня все сделанные дела, а в конце недели пересчитываешь их, чтобы узнать сделал ли ты больше на этой неделе, чем на предыдущей, и не выбился ли из графика. Но это не тот... Я помню обложку.

ХЕЛФРИД. Все верно, это домашний дневник. Сюда я записываю все, что говорю тебе и все, что ты говоришь мне, все домашние дела.

КИМ. О, мой Бог! А у тебя ведь есть диктофон... Ты записываешь? Записываешь меня?

ХЕЛФРИД. Нет, что ты.

КИМ. А зачем? Тебе нужны материалы для развода? Ты хочешь отнять у меня ребенка? Имущество? Что?

ХЕЛФРИД. Не сходи с ума, КИМ. Конечно, это можно использовать в суде, в случае чего, но я его держу для таких ситуаций как сейчас. Вот... сейчас. Послушай запись от двадцать седьмого мая прошлого года... «Сегодня суббота. В восемь утра мы направились проведать моих родителей. Ким собиралась в течение получаса, вместо запланированных двадцати минут, но мы не опоздали, потому что взяли такси... в итоге потратили...» Так-так-так... подожди. «Вес маминых кроликов в сумме составляет...» «Папино давление увеличилось на...» Вот! «В двенадцать часов дня я пожаловался родителям на проблемы Ким с алкоголем. На что Ким ответила, цитата: “Проблем нет, но если тебе кажется, что я выпиваю лишнее, клянусь, что впредь делать это буду только при тебе”. И тема была

закрыта». Вот! Ты поклялась мне двадцать седьмого мая, больше года назад. И что же мы наблюдаем сегодня?

Она молча смотрит на него в упор.

Ну не молчи, КИМ. Что ты можешь на это ответить?

КИМ. Гитлер капу-ут!

ХЕЛФРИД. Как?? Вот, значит, что говорит тебе эта русская?! А знаешь ли ты, Ким, что такое Пражская весна? Что Советский Союз ввел свои войска в Прагу в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году для подавления наших реформ. Мы даже не могли оказать сопротивления.

КИМ. Нашел чем гордиться.

ХЕЛФРИД. Что? То есть ты считаешь, что огромная страна может давить любую маленькую! Конечно, вы можете вместе с твоей русской придушить меня голыми руками. Да, у нас был Гитлер! Да, мы всю жизнь, поколение за поколением, каемся за него, а вы своими гигантскими странами душите нас! С одной стороны душите вы, с другой - весь Берлин заповилили турки! Они отгораживают свои лавки, улицы, районы! Они задавили нас! И все только потому, что после войны мы позволили им строить для нас дороги. Строить дороги, которые сломали твои русские. Те же русские, что свободно въехали на танках в весеннюю Прагу!

КИМ. Если бы не твой Гитлер, эти дороги никто ломать бы не стал. Да они и помнить не помнят про вашу весну! Ты слышишь? Мы все забыли! У больших стран хватает дел! А у вас за всю историю было одно событие – войска вошли. Да нам просто лень таким коротышкам, как вы, объявлять войну. Нам некогда душить вашу Чехию, ай, прости, Германию. Цепляйся за Гитлера, за корни цепляйся! У тебя даже Гитлера нет!

Хелфрид отворачивается, закрывает лицо руками.

О, черт! Хелфрид, да прости ты меня! Прости. Все, мне плевать на страны. Просто ты меня достал, я сорвалась. Прости. Хочешь, я завтра уволю русскую? Хочешь?

ХЕЛФРИД. Хочу.

КИМ. Все, обещаю. И пить без тебя не буду. Клянусь. Давай вместе запишем в дневник? Хочешь, я подпишу даже? Где? Вот здесь? Все, подписываю. Я ставлю дату. Видишь? Завтра ее не будет.

Отрывок из интервью

ПЕРВЫЙ – второе лицо единственного числа,
ВТОРОЙ – Катя.

ПЕРВЫЙ. Але! Ты меня слышишь?

ВТОРОЙ. Да! Я слышу тебя! Боже мой, какое счастье! Как это здорово говорить: «Боже мой», а не «мой Бог»! Как хорошо говорить по-русски! Как вы? Уже снег всюю? А здесь лето, все наоборот.

ПЕРВЫЙ. У вас на другой стороне Земли все наоборот, ходят вверх ногами и небо перевернуто.

ВТОРОЙ. Небо здесь ужасно перевернуто. Только здесь есть свой глобус, там Австралия наверху, а мы внизу.

ПЕРВЫЙ. Ты видела? Я тебе отправил прикол. Если все материки вместе обвести по контуру, то они похожи на котенка, который хочет съесть Австралию.

ВТОРОЙ. Съесть? А может быть, его тошнит Австралией?

ПЕРВЫЙ. Слушай, а ты кенгурятину ела? Мы тут на день рождения ходили в зоопарк, тебя вспоминали. Там кенгуру. У них такие особенные глаза.

ВТОРОЙ. Как у коров?

ПЕРВЫЙ. Да. Только у коров они кажутся обыкновенными. Так ты ела?

ВТОРОЙ. Нет, я не могу. Они похожи на огромных крыс.

ПЕРВЫЙ. Здорово...

ВТОРОЙ. Я очень хотела сливочного мороженого, у нас здесь есть целый магазин мороженого, просто рядами. Со вкусом чипсов, колы, инжира, винограда... Я попросила сливочное. Они спрашивают: как это? Со вкусом молока? И дали мне какую-то водянистую ледышку из сухого молока. Я фыркнула. А один продавец другому говорит по-испански, думали я не пойму: она, наверное, русская. Русские на морозе едят жирные куски замороженного масла, вместо мороженого.

ПЕРВЫЙ. Да, у нас сейчас только масло есть, под тридцать жмет, на кафедре в куртках сидим. Трамваи опять встали, пешком стал в универ ходить. Но это еще туда сюда, пешком теплее. Тебе-то хорошо! Ты там купаешься каждый день?

ВТОРОЙ. Купаюсь. Не каждый день.

ПЕРВЫЙ. Какая ты счастливая.

ВТОРОЙ. Да, я очень счастливая. Прямо лопну скоро от счастья. Здесь в автобусах тараканы.

ПЕРВЫЙ. А в домах?

ВТОРОЙ. А в домах летающие тараканы. Соседи мексиканцы оставляют на кухне объедки, а тут климат такой, что через час любой кусок покрывается червями. Я выбрасывала их, чуть не стошнило. Тут тепло и влажно, палку воткни – зацветет.

ПЕРВЫЙ. Как я хочу быть на твоём месте. Я бы все обтыкал палками. Так достало каждый день считать копейки, смотреть телевизор, говорить с кошкой, а жизнь такая большая где-то мимо... Так хочется ноги засунуть в океан.

ВТОРОЙ. Ты дома?

ПЕРВЫЙ. Да, у нас уже двенадцатый час ночи. Конечно, дома.

ВТОРОЙ. А я нет.

Сцена 5

Свободная граница

Окрестности Сочи, недалеко от границы с Абхазией. Черное, смородиновое небо, яма. На дне ямы, прижавшись щекой к стене, сидит Мансур.

ГОЛОС ТАМАЗА (сверху, почти шепотом). Брат? Ты где, брат?

Мансур поднимает голову, вглядывается в черноту.

Это Тамаз. Это я, брат. Ты здесь?

МАНСУР. Я в яме. Глубоко. Прыгай. Я один, не бойся.

Тамаз прыгает, не глядя, чуть ли ему не на голову. Они валятся в разные стороны, стонут от боли.

Ты сказал: «Беги, я догоню». Я в сторону Сочи и побежал. Ты где ходил? Тебя столько нет, я испугался и спрятался. Они за тобой идут?

ТАМАЗ. Не, пограничник не уйдет с места, им на граница стоять нада. Нада паспорта у всех смотреть. У них Олимпиада, хорошо охранять хотят. Они нам пакеты с порошок подкинули, у них план. По план надо посадить кого-то.

МАНСУР. Тебе порошок пограничник подкинул? Почему тебе? Ты же их! Ты – абхаз! У тебя же паспорт есть! Тут же Абхазия – Россия, свободная граница, кроме паспорт, ничего не нада.

ТАМАЗ. Тут недавна свободная граница, раньше, когда Ельцин был, мужчинам абхазам нельзя была в Россия. Никак вообще, только женщин наших брали, нас нельзя. Ельцин с грузин Шеварнадзе дружил. Грузин изморить нас хотел, так бил, чтоб никуда не сбежать.

МАНСУР. Когда это было? Ты маленький был, меня не был. Теперь зачем так?

ТАМАЗ. А теперь свобода. Теперь нада показать, что границу хорошо охраняют, нада ловить кого-то. Сегодня русский на границе стоит, он мотоцикл не пустил. Ты когда побежал, он сказал: «В седле, в колесах... везде наркота». Весь мотоцикл поломал, наркотик не нашел. А раз поломал ни за что, он мне целый мотоцикл должен. А у него нету, вот он порошок и подкинул. Я говорю: «Отпусти, брат, пока никто видит. Ты наврал, я прощу тебя, денег дам, только пусти. Тут же братья у меня, все... вся Абхазия, все узнают. Обида будет». Он говорит: «Беги, пока не видят. А увидят – я в тебя стреляю. Не сердись». Я и побежал.

МАНСУР. А может, ты сейчас соврал? А может, был наркота? А может это твоя семья порошок подкинул, чтобы ты его в покрывка пронес через граница?

ТАМАЗ. Ты заткнись, а? Это семья! Не мог абхаз абхаза подставить! Я видел, это пограничника порошок.

МАНСУР. А может не семья подставить? Может, ты сам?

ТАМАЗ. Ты сдурел? Меня замели, тебя замели. Зачем мне так?

МАНСУР. Не знаю.

ТАМАЗ. Я же сейчас больше тебя рисковал. Я ж вперед тебя пропустил и сказал: беги. А если думаешь, я тебя бы тут кинул, то ты... ты... вообще... пес...

МАНСУР. Ладно, ладно. Я верю тебе, брат... Деньги он все взял?

ТАМАЗ. Взял. Карманы выверну, хочешь?

МАНСУР. Выверни... Да, вижу, вижу. Убери.

Освещается небо, слышен звук выстрелов. Мансур и Тамаз прижимаются к стенкам ямы, задыхаясь от страха. Вдали раздаются крики большой толпы.

Прощай, Тамаз. Прости меня, не верил тебе!

ТАМАЗ. Прощай, брат.

Еще один залп, и черном окошке неба над ямой вздымаются огни фейерверка.

МАНСУР. Тамаз, это не стреляют! Это ферверк! Фер-верк! Праздник! В Сочи праздник! Это не нас убивать!

*Они сползают по стенкам на землю, закрывают головы руками,
молчат какое-то время.*

ТАМАЗ. Так нельзя. Нада петь.
 МАНСУР. Не нада петь, услышат, на граница за наркотики заберут.
 ТАМАЗ. Нада петь песню ранения. Когда абхаза ранят пулей, и ему нада вынуть ее кинжалом, ему нада петь песню ранения — и боли нет, страха нет.
 МАНСУР. Я не знаю такая песня.
 ТАМАЗ. И я не знаю.
 МАНСУР. А кто знает?
 ТАМАЗ. Невеста моя знала. А теперь никто не знает.
 МАНСУР. Как никто? Невеста есть.
 ТАМАЗ. Нет уже невеста.
 МАНСУР. Как нет? Ты говорил есть. Врал?
 ТАМАЗ. Врал.
 МАНСУР. Зачем так?
 ТАМАЗ. Так веселее.
 МАНСУР. А где невеста?
 ТАМАЗ. В Россию уехала, работать, и нет больше. В тюрьме, наверно. Или убили.
 МАНСУР. Ну ты... (Пауза.) А крест она тебе дарила?
 ТАМАЗ. Нет, это я ей дарил. Хотел подарок сделать. Денег нет. А в Пицунда много людей гулять, купаться приезжают. Я там ходил, искал, может, в галька потеряет кто кольцо. Жениться хотел, предложение делать. А нет кольца. Нашел крест на цепочка. Подарил ей, сказал: «Носи так, потом отнесем кузнецу, расплавим, кольцо будет». Она прятала, но носила. А денег все нет, ее в Россию отправили работать. Мы прощались. Она говорит: «Нечего подарить на память тебе. Вот я крест носила, теперь ты носи». И уехала. Больше пяти лет нет.
 МАНСУР. Может, хорошо все, может, русский нашла, вот и пропала.
 ТАМАЗ. Нет, она б родителям сказал. А так, значит, совсем нет.
 МАНСУР. А может вас Аллах за крест наказал?
 ТАМАЗ. Это жизнь, ты Аллах не поминай. Ну... пошли? Нада через Сочи за ночь пройти, а потом дальше.
 МАНСУР. Так ты домой не идешь?
 ТАМАЗ. Как домой идти? Мотоцикл пропал, денег нет. Домой идти, их еду есть, не пойду. Нада работать.
 МАНСУР. Подсадишь? Я падал, руку поранил. Сам не вылезу.

Отрывок из интервью

ПЕРВЫЙ – второе лицо единственного числа,

ВТОРОЙ – дедушка первого.

ПЕРВЫЙ. Ты же на границе служил?

ВТОРОЙ. Так точно, на советско-турецкой, с тысяча девятьсот пятидесятого по пятьдесят третий год. И отмечаю это до сих пор каждый год в День пограничника. И между прочим, если меня с этим днем не поздравляют, считаю сие личным оскорблением.

ПЕРВЫЙ. Извини.

ВТОРОЙ. Извиню.

ПЕРВЫЙ. Ты считаешь себя националистом?

ВТОРОЙ. Безусловно, нет. Я просто терпеть не могу черных.

ПЕРВЫЙ. Но в Советском Союзе в тебе же должны были воспитать толерантность?

ВТОРОЙ. Вот тебе нравится соседский кот Уктус?

ПЕРВЫЙ. Нет.

ВТОРОЙ. А он от этого не перестает быть соседским. И ты при бабе Томе всегда этому коту улыбаешься во имя мира во всем мире. Более того, еще и говоришь: «У-у! Какой мордастый!».

ПЕРВЫЙ. То есть на самом деле все друг друга не любят?

ВТОРОЙ. На самом деле Уктус и правда, мордастый. А еще это вопрос не крови, а памяти. Насколько сильно в тебе жива память стоящих за тобой поколений. Вот ты можешь с разгону назвать годы русско-турецкой войны?

ПЕРВЫЙ. Нет. Могу Первой и Второй мировой.

ВТОРОЙ. Вот. А ведь она была. И там тоже умирали русские, и твои родственники в том числе. Но это, кажется, так давно было, будто и не с нами. И можно без зазрения совести ездить к ним отдыхать, носить футболки с их проклятым турецким флагом в огород. И если бы твоя бабушка не ругалась выражением «турок беспутный», вместо «дурак» или «идиот», так же как ругалась ее мать, а до этого мать ее матери, а я бы не служил на русско-турецкой границе, то можно было бы сказать, что памяти в нашей семье об этой войне нет. Но именно в нашей есть. И я черных терпеть не могу.

ПЕРВЫЙ. Ну так и до татаро-монгольского ига мы договоримся. Как ты к ним относишься?

ВТОРОЙ. Татары так в нас намешались, что я одно могу сказать: татаро-монголы захватили Русь только потому, что она им очень нравилась. Что Руси, как женщине, должно быть приятно. Но это опять же флер прошедших веков и нашей забывчивости.

ПЕРВЫЙ. Получается, что любить можно только тот народ, который не претендовал на территорию твоего народа?

ВТОРОЙ. Я тебе, как пограничник, скажу – да. А как дед я тебе скажу: когда ты любишь свой народ и страну, уверен в них, то и в конфликты ты не полезешь. Ни из зависти, ни от жадности. А если ты в конфликты не лезешь, то какая разница как ты к кому относишься. Вот живете вы с Уктусом безмятежно: он знать не знает, что ты его не терпишь, а ты, между прочим, знать не знаешь, что и он не терпит тебя.

Сцена 6

Хорошая рыба туземцам нужна

Австралия. Небольшая комната в съемном доме для гастарбайтеров, темная, с окошком под самым потолком. Прямо на полу огромный матрас, в углу стул, на котором свалена одежда. Больше ничего не поместилось. Катя сидит на углу матраца и бинтует руку. Входит Себастьян.

СЕБАСТЬЯН. Рука?

КАТЯ. Краем мусорного бака порезалась.

СЕБАСТЬЯН. Есть новости?

КАТЯ. Нет, я просмотрела все газеты и сайты. Репетитор никому не нужен.

СЕБАСТЬЯН. А клининг?

КАТЯ. Тоже.

СЕБАСТЬЯН. Это плохо. (Садится на другой край матраца спиной, включает ноутбук.) Катя (на четвереньках ползет по матрацу к нему). Себастьян?

СЕБАСТЬЯН. Да?

Катя (нараспев) Себастья-ан, Себастья-ан...

СЕБАСТЬЯН. Что? Что? Что?

КАТЯ. Знаешь, когда я влюбилась в тебя? Когда ты сказал, что тебя зовут СЕБАСТЬЯН. Сначала я любила краба по имени Себастьян из мультика про русалочку и выучила из-за него английский. Потом я любила мальчика по имени Себастьян из сериала «Элен и ребята» и выучила из-за него французский. А потом я встретила тебя и выучила испанский.

СЕБАСТЬЯН. Да, ты говорила это.

КАТЯ. Ты не заметил? Я же посадила в горшок цветок. (Показывает горшок с торчащими из него красными листьями.) Его зовут кордилина, у нас такие в школе росли.

СЕБАСТЬЯН. Это трава. Она здесь растет везде.

Катя (бодро). Да, я выкопала на улице, прямо с землей. Но все же комнатные растения – это где-то трава. Трава откуда-то привезенная, издалека. Или даже деревья. Просто они на чужой земле не разрастаются в горшках. Тебе не нравится? Мне очень нравится.

СЕБАСТЬЯН. Нормально. Просто в Австралия это крэйзи. На окне это же, это же за окном.

КАТЯ. Ну и пусть будет крэйзи. Что ты смотришь там?

СЕБАСТЬЯН. Мы сегодня идем гостить. К мексиканцам. Они хотят рашен пати.

КАТЯ. Ты меня в кокошнике потащишь? И со мной все будут фоткаться, как с обезьянкой?

СЕБАСТЬЯН. Я не понял. Обезьянкой?

КАТЯ. Хотя нет, это с тобой как с обезьянкой, а со мной, как со свиньей.

СЕБАСТЬЯН. А... Ты ругаешься. Нет, мы будем петь песню на русском. Я ищу для себя транслэйт... Вот. (Включает.)

ГОЛОС (из нотубука, поет).

«Хорошую рыбу ты нам подарил.
Теперь у туземцев твоих много сил
Для песен и танцев,
Для танцев и песен.
Е-е...йе...»

СЕБАСТЬЯН (подпевает). Е-е...йе...

«Спасибо за ры-ыбу!
Как воздух, как свет, как огонь, как жена,
Хорошая рыба туземцу нужна
Для песен и танцев,
Для танцев и песен
Е-е...йе...»²

КАТЯ. Я не буду это петь.

СЕБАСТЬЯН. Вместе будем. Русская веселая песня про еду.

КАТЯ. Я никуда не пойду.

СЕБАСТЬЯН. Ты так потому что они оставляют червяков? Они больше не будут так.

КАТЯ. Все, устала. Не могу больше.

² Песня «Спасибо за рыбу», автор слов Алексей Паперный.

СЕБАСТЬЯН. Ты не можешь устала. Ты не работала сегодня, ты в горшок садила траву. Я устал, я работал. Знаешь, сколько я за день сделал бургеров?

КАТЯ. Себастьян, ты счастлив?

СЕБАСТЬЯН. Зачем здесь счастлив?

КАТЯ. Что?

СЕБАСТЬЯН. Не то... (Быстро печатает, читает.) При чем здесь счастлив?

КАТЯ. Ты первый раз правильно сказал.

Себастьян (снова быстро печатает, перечитывает). Нет, правильно сейчас. При чем здесь счастлив? Какое отношение слово «счастлив» имеет к разговору?

КАТЯ. Хорошо. Ты счастлив в Австралии? Ты рад, что мы живем здесь?

СЕБАСТЬЯН. Да. Здесь есть океан, здесь чисто, тепло. Здесь мы все рады друг друга. Тебе не нравится, что ты не переводчик. Но я в Австралия тоже не инженер. Я в одна Колумбия инженер. Тот, кто ты есть, ты можешь быть только дома. Это нормально.

Катя резко вскакивает, толкает Себастьяна с матраса, падает на пол, упирается руками и ногами в матрас, пытается его передвинуть к другой стене.

Что ты делаешь?

КАТЯ. Нам нужна перестановка! Нужно переложить матрас!

СЕБАСТЬЯН. Зачем? Было хорошо.

КАТЯ. Я хочу, чтобы он лежал, как в нашей комнате дома.

СЕБАСТЬЯН. Я не хочу как там! Я хочу как здесь! Дома теперь здесь! Я не разрешаю тебе!

КАТЯ. О... кей... (Садится на матрас, который теперь лежит в центре комнаты.) Мы долго здесь будем жить?

СЕБАСТЬЯН. Когда закончится виза, мы уедем.

КАТЯ. Домой?

СЕБАСТЬЯН. Мы поедem в другую страну. Я думаю, в Штаты.

КАТЯ. А когда виза кончится там? Что мы будем делать, мужик?

СЕБАСТЬЯН. Если работодатель будет иметь к нам интерес, то он продлит визу.

КАТЯ. А если не будет?

СЕБАСТЬЯН. Мы уедем в другую страну.

КАТЯ. И сколько мы так будем ездить?

СЕБАСТЬЯН. Ты ругаешься? Я не понимаю. У тебя есть язык. Ты можешь везде.

КАТЯ. Это ты можешь везде, ты привык быть бездомным, ты привык быть беженцем.

СЕБАСТЬЯН. Да, мы должны бегать. У меня нет везения с Родина.

КАТЯ. А у меня есть.

Себастьян (смеется). Нет.

КАТЯ. Да.

СЕБАСТЬЯН. Где холодно, грязно, бьют, там нет везения.

КАТЯ. Это уж мне решать.

СЕБАСТЬЯН. Что ты хочешь?

КАТЯ. Я хочу домой.

СЕБАСТЬЯН. Позвони маме по скайп.

КАТЯ. Я хочу вернуться в Россию.

Себастьян (после паузы). «У бабы дом там, где ее мужик». Ты так сказала?

КАТЯ. Мужик, прости меня. Ну я же просто баба... Прости меня, миленький.

СЕБАСТЬЯН. Я не хочу в Россию.

КАТЯ. Я понимаю.

СЕБАСТЬЯН. И ты уедешь?.. Ты не вернешься?

КАТЯ. Я не знаю, мужик.

Себастьян ложится рядом на матрас, сворачивается клубком вокруг нее.

Я вернусь. Я, конечно, вернусь. Где бы ты ни был. Дай только сейчас мне уехать, мужик.

СЕБАСТЬЯН. Уезжай.

Отрывок интервью

ПЕРВЫЙ – второе лицо единственного числа,

ВТОРОЙ – сербский танцор.

ПЕРВЫЙ. Вы считаете себя человеком известным в мире?

ВТОРОЙ. Да, известен ровно настолько, насколько может быть известен сербский танцор. Я ездю на гастроли в США, Европу, Японию, Россию. Конечно, обо мне ничего не знают в Индии и Китае, Мексике, других крупных странах. Но они не входят в топ успеха. По ним не судят о популярности. И в России ко мне не подходят на улице за автографом. Но то, что страна в принципе принимает, залы, пусть не самые большие, продаются, говорит об известности.

ПЕРВЫЙ. Как вам удалось добиться интернационального успеха, понравиться людям разных национальностей?

ВТОРОЙ. Моя программа состоит всегда из двух частей. Первая – это сербские танцы. Есть часть зрителей, которая хочет у себя дома увидеть нечто экзотическое. Большинство жителей Земли ничего не знает о моей стране. Так сложилась ее история. Поэтому я в угоду их любопытству показываю себя экзотической птицей. Заканчиваю всегда национальными танцами той страны, куда я приехал. Например, если выступление в Штатах, то я начну с сербских, продолжу русскими, потом европейскими. Но закончу точно американскими.

ПЕРВЫЙ. Индейскими?

ВТОРОЙ. Нет, сначала индейскими, потом регги. Если бы в войне победило коренное население, то конечно, я закончил бы индейскими. Я показываю, что пробовал многое, но больше всего по душе мне пришлось ваше, дорогие хозяева.

ПЕРВЫЙ. А как же вы выступаете на родине?

ВТОРОЙ. Там я начинаю сербскими и ими же заканчиваю, в середине другие национальности, чтобы показать: я помнил о своих корнях, я пробовал многое, но вернулся к корням.

ПЕРВЫЙ. А вам самому какие танцы больше нравятся?

ВТОРОЙ. Если хочешь нравиться многим, ты должен прежде всего отказаться от своих интересов. И чем большему количеству людей нужно понравиться, тем меньше остается на свой интерес.

Сцена 7

Хач

Комната полиции при московском вокзале. Черный прожженные в нескольких местах лавки, плакаты кажутся страшнее стен. Множество людей всех рас и мастей.

Кто лежит в углу, кто прислонился к стене.

Среди прочих Мансур и Тамаз.

Рядом с ними Катя: смотрит на потолок, громко дышит.

ТАМАЗ. Девушка, тебе плохо, что ли? А?

КАТЯ. Вы говорите по-русски?

ТАМАЗ. Конечно, говорю. Здравствуйте.

КАТЯ. (начинает реветь). Меня не пускают домой.

ТАМАЗ. А! Не реви, не реви! Смотри сколько нас? Кого пускают, они не хотят, кого не пускают, они тоже не хотят. Нет гармония в мире.

МАНСУР. Поняла. Да?

КАТЯ. (продолжает реветь). Ой.

ТАМАЗ. Не бойся, девушка. Воды будешь? Чистая вода. Из киоска, не из крана.

КАТЯ. Спасибо.

ТАМАЗ. Меня Тамаз зовут, а этот Мансур. Он брат мне. Не родной, но брат.

КАТЯ. Очень приятно. Катя.

МАНСУР. И мне приятно.

ТАМАЗ. Куда хочешь-то?

КАТЯ. В Россию, домой, к маме хочу.

ТАМАЗ. Так мы же в России! Москва!

КАТЯ. В Россию, в мой город! У меня русский паспорт в чемодане. Чемодан украли-и... А загран закончился, пока я с пересадками через Гонконг и Сеул почти неделю летела. Меня отсюда не выпустят домой... Они меня в консульство...

ТАМАЗ. А где консульство?

КАТЯ. В Сиднее.

ТАМАЗ. Где?

КАТЯ. В Австралии. На другом конце Земли, на краю Земли...

МАНСУР. На край Земли пошлют, сказка прям.

ТАМАЗ. Не, не пошлют. Тут никого не пошлют. Тут поговорят, поговорят, а потом говорят: «Да иди, хач, чтоб больше на вокзале не ошивался без регистрации».

МАНСУР. Для порядка это, так просто. Чтоб порядок был, чтоб пугать нас. А на край света... не...

КАТЯ. (перестает всхлипывать, пьет воду). А вы казах?

МАНСУР. Ты чё! Таджики я! Таджики! А Тамаз вообще абхаз. Если б я казах был, я б сюда не поехал ни за чё!

Катя (рассеянно). Почему это?

МАНСУР. У меня страна бедная, богатый был, не приезжали бы. Казахи сюда не едут. Государство дает все, кредит, все дают, обеспечивают всем. Кто там работает, у кого денег много, в комнате сидит там, делает с компьютером, работает. Они там даже вышеобразованные есть. Ты вот, Катя, вышеобразованная?

КАТЯ. Да. Вышеобразованная.

МАНСУР. Счастливая ты. Я вот тоже хотел бы быть вышеобразованным. Но нельзя, работать нада. Даже школу нельзя покончить было. В пятом классе школа кончился, ездить надо было далеко. Отец говорит: «Работай, а то и так ешь быстро».

КАТЯ. Почему быстро? Много?

МАНСУР. Да не, немного. Быстро. Отец говорил: быстро сглотишь все, не заметишь, сыт не будешь. А медленно ешь, наешься. Меньше еды тогда нада.

КАТЯ. (с интонациями Себастьяна). Понятно. Вы, наверное, думаете, вам не повезло с родиной...

МАНСУР. Как не повезло? Везло нам, очень везло. У нас тепло, у нас к отца уважение. У нас пить, курить нельзя, потому что стыдно, Аллах видит. У нас язык какой красивый. Какой красивый таджикский язык! У вас тридцать три буквы язык, а у нас тридцать девять, какой богатый таджикский язык! Ты знаешь какой еще язык, кроме русский?

КАТЯ. Знаю.

МАНСУР. А какой самый красивый? Который знаешь или который русский?

КАТЯ. Я не знаю... Наверное, русский.

ТАМАЗ. Да, я тоже думаю, абхазский самый красивый, мама красивее всех говорит. И горы у нас белые, небо синие, озеро зеленое. Самое красивое озеро в мире, Рица озеро.

КАТЯ. Да, я слышала, что там красиво...

ТАМАЗ. А ты где была? Красиво?

КАТЯ. Да, красиво. Цивилизованно. Только я пожалела на это жизнь тратить.

МАНСУР. А какая разница-то? Тут тратить, там тратить. В Россия тут очень цивилизованный жизнь, вода вот в киоске. Но ведь это все равно. Эта временный жизнь. Некрасивый жизнь, потому что человек человека по башке – баммм! А все почему? Потому что думает, что баммм ничего, что после этой жизнь все будет потом. Не понимаешь?

КАТЯ. Не понимаю.

МАНСУР. Я не могу по-русски, чё? (Тамазу.) Как сказать ей?

ТАМАЗ. Он говорит, что как эта жизнь закончится, после нее новая жизнь начнется, лучше.

КАТЯ. А... и небо в алмазах.

МАНСУР. Да что алмазы... деньги, деньги... Не будет денег, не будет ничего. Только все братаны будут.

Входит Полицейский, оглядывает лавку, где сидят Мансур, Тамаз, и Катя.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Че-то много вас. Вас по базе пробрили? Числитесь?

Мансур (нарочито). Не понимает!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. По-русски говорит кто?

МАНСУР. Говорит. Панимат плохо.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Да, балин. Возитесь теперь с вами... валите по-быстрому.

Они вскакивают, бегут к выходу.

Эй, женщина! Эй, ты! Белая! Стой! А ты чья?

ТАМАЗ. Жена моя. Не панимат она.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Ладно... Иди, иди, че смотришь на меня?

Они выходят на улицу.

КАТЯ. (с дрожащими губами, Тамазу). И что мне делать?

ТАМАЗ. У тебя там, где мама, документ есть?

КАТЯ. Да, свидетельство о рождении. По нему можно паспорт сделать, заявление написать.

ТАМАЗ. А туда электричка там, автобус там ходят, чтоб без паспорта пустили?

КАТЯ. (начинает рыться в сумке) Да, да. Ходят. Ой!

ТАМАЗ. Че?

КАТЯ. У меня тут только триста рублей, а все остальное там... в багаже...

МАНСУР. Дура. Э! В лифчик нада пришивать!

КАТЯ. Я и пришила в лифчик, лифчик в чемодан положила...

ТАМАЗ (достает из кармана крестик и кладет ей в руку). Иди во-он туда. Там парень говорит: «Золото, сотовый». Купит у тебя. А ты билет купишь.

МАНСУР. Ты че делаешь? А?

КАТЯ. Я не возьму.

ТАМАЗ. Бери, бери. Это не мой.

КАТЯ. Ворованный?

ТАМАЗ. Не, подарок. Мне подарок, и я тебе подарок.

КАТЯ. Я вам деньги вышлю, когда приеду. Куда выслать?

ТАМАЗ. На озеро Рица приезжай. Там рядом лавка, лучший в мире хачапур делают. С хачапура всего одна, в остальных только форель, шашлык. Съешь хачапур за мое здоровье.

КАТЯ. Так я, чтоб вам деньги...

ТАМАЗ. А это и будет мне. Хачапур моя мать делает. Лучший хачапур. Иди.

КАТЯ. Тамаз, извините... Ой, то есть спасибо! Спасибо! (Быстро уходит.)

МАНСУР. Не приедет она.

ТАМАЗ. А они все ко мне не приезжают.

Сцена 8 Купола желаний

Московский сквер, смеркается. Мансур и Тамаз, сидя на лавке, допивают воду из своей бутылки. К ним подходит продавец фонарей.

ПРОДАВЕЦ ФОНАРЕЙ. Здравствуйте, молодые люди! Держите, это именно для вас! (Протягивает каждому по воздушному бумажному фонарику.)

МАНСУР. Бесплатно?

ПРОДАВЕЦ ФОНАРЕЙ. Вы знаете, что это такое?

МАНСУР. Знаем!

ПРОДАВЕЦ ФОНАРЕЙ. Ну и что это?

МАНСУР. Летающий.

ПРОДАВЕЦ ФОНАРЕЙ. Это бумажный купол желаний. Загадываете желание, например, со второй половиной, и все будет. Если вот сюда поместить свечку-таблетку, поджечь и отпустить, купол заполнится теплым воздухом и полетит. Когда полетит, загадывайте желание. Он улетит и желание сбудется.

МАНСУР. Бесплатно?

ПРОДАВЕЦ ФОНАРЕЙ. Свечка-таблетка в подарок. Вам очень повезло. В нашем торговом центре открывается новый отдел, на втором этаже. Мы вручаем вам для рекламы!

МАНСУР. Бесплатно?

ПРОДАВЕЦ ФОНАРЕЙ. Конечно! У нас в отделе стоит триста рублей, а для вас, только для вас, потому что вы мне кажетесь очень симпатичными людьми, по сто. Вам повезло! Вы мне просто понравились!

МАНСУР. А... по сто.

ПРОДАВЕЦ ФОНАРЕЙ. Совершенно верно, в качестве живой рекламы. Все берут по три-четыре. Вы сколько будете брать?

МАНСУР. Бесплатно?

ПРОДАВЕЦ ФОНАРЕЙ. Что бесплатно? Я говорю, что только сегодня и только для вас по сто! Вам сколько? Семь штук осталось всего. Все возьмете? Вам сколько дать, молодой человек? Два? Три?

ТАМАЗ. Нам не надо.

ПРОДАВЕЦ ФОНАРЕЙ. Как не надо? Вообще не надо? У вас желаний что ли вообще никаких нет? Вообще загадать нечего?

МАНСУР. Извини, братан.

ПРОДАВЕЦ ФОНАРЕЙ. Да какой я тебе братан? Да вы задолбали нас всех тут уже, хачи херовы! Че вам дома не сидится? Плюнуть скоро некуда уже будет, в черную морду сразу попадешь! Работать из-за вас уже негде, везде хачи одни! Че ты пялишься, бабин, молодой человек?! Разговариваю еще с ним! Да это ты тут передо мной должен фонарями трясти, а я от тебя рожу воротить. Я тут хозяин, я тут дома!

ЗАНАВЕС

апрель, 2014 г.

Пьеса – участник семинара драматургов СТД «Авторская сцена – 2014»,
Фестиваля европейской драматургии в г. Тобольске (2014 г.),
Победитель всероссийского фестиваля драматургии «Любимовка – 2014»,
Победитель всероссийской национальной премии «Золотая Маска – 2014»
в номинации «Выбор зрителей»